

С. М. Киров

Избранные статьи и речи

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

C11 **С. М. Киров**
Избранные статьи и речи / С. М. Киров – М.: Книга по Требованию, 2012. –
704 с.

ISBN 978-5-458-05852-0

В сборник включены избранные статьи, речи, доклады, письма С. М. Кирова
- известного политического деятеля, - датированные 1912 -1934 гг.

ISBN 978-5-458-05852-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРАТКИЙ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

На северной окраине России в маленьком захолустном городе Уржуме полвека тому назад, 27 (15) марта 1886 года, родился человек, который стал одним из самых замечательных и ярких людей нашей эпохи, помощником, сподвижником и другом Сталина.

Детство Кирова (Кострикова) было тяжелым, суровым. Протекало оно в горькой нищете в уездной глухи заброшенного среди болот и лесов уездного города бывшей Вятской губернии, теперь — Кировской области.

Вятская губерния была хороню знакома политическим изгнанникам. Уржум, стоящий далеко от железной дороги, считался одним из самых глухих городов Приуралья. Городская беднота была обречена на голодную жизнь. Многие уходили на заработки на Урал или в Сибирь.

Отец Кирова Мирон Иванович Костриков перебивался со дня на день случайной работой. Одно время служил объездчиком в лесничестве, потом выручал гроши, пуская на постой во двор своего домишко приезжавших на базар крестьян, таких же бедняков, как и он сам. Мирон Костриков упорно старался побороть нужду — и все безуспешно. Ему оставался один выход — искать работы где-нибудь на стороне. Оставив семью, он отправился на Урал и пропал там без вести.

Сыну Кострикова Сереже в это время едва минуло четыре года. У него были еще две сестры — одна моложе, другая старше его. Дети остались на руках матери — Екатерины Кузьминичны, или Кузьмовны, как звали ее соседки. Мать надрывалась, чтобы кое-как прокормить детей. В глухом

городишке она бралась за всякую работу: ходила к местным купцам и чиновникам на стирку, на поденщину, брала на дом шитье. Но в Уржуме было много бедняков, готовых взяться за любую работу, а чиновники и лавочники, как и везде, были скучны и прижимисты. Тяжелым трудом давался Кузьмовне каждый гравенник! Непосильная работа, заботы о детях, вечная нужда подорвали силы. Когда Сереже было семь лет, Екатерина Кузьминична умерла от чахотки.

Пришлось старой бабушке Меланье Авдеевне, которая тут же в Уржуме служила в няньках, бросить место и взять на свое попечение сирот. Но нехватило ни сил, ни грошовой пенсии за мужа-солдата, погибшего на Кавказе, чтобы вырастить внуков дома.

Пенсии получала Меланья Авдеевна всего три рубля в месяц, да рубль семьдесят копеек квартирных на год. На такие деньги и думать нечего было прожить, с тремя ребятами и подавно. Оставалось одно — отдать ребят в сиротский приют. Меланье Авдеевне пришлось отвесить много поклонов уржумским богатеям-попечителям, но они приняли в приют только одного Сережу.

Сереже только что исполнилось в это время восемь лет, он горько плакал, не хотелось ему идти в приют, но делать было нечего.

Голодно, холодно, неприятно было в «Доме призрения малолетних сирот», долго не мог Сережа привыкнуть к унылой, безрадостной жизни. Кормили мало, одевали плохо, а молиться заставляли подолгу. Только изредка Сережу отпускали на побывку к бабушке.

Хоть и тяжело было жить в приюте, но Сережа не терял бодрости.

В противоположность большинству приходских воспитанников, он был крепким, резвым и жизнерадостным мальчиком, первым во всяких играх и выдумках, проявлял большую независимость характера и сознание собственного достоинства.

Приютских ребят, остиженных наголо, одетых в бедную, плохо сшитую одежду, бледных и сутулых, постоянно дразнили, а иногда и поколачивали на улице упитанные сыники уржумских богатеев.

Напали как-то купеческие сыники и на Сережу, но он дал

такой отпор, так обработал кулаками одного из приставших к нему балбесов, что после этого затрагивать Сережу уже не решались. Он сделался подлинным героем в глазах приютской детворы.

Приютских детей обучали в церковно-приходской школе. В эту же школу отдали и Сережу.

Учился он хорошо, был любознательным и способным, окончил школу одним из первых. В 1897 году Сережу как одного из лучших учеников приютское начальство направляет в городское училище. И здесь Сережа учится отлично.

Пытливым умом Сергей уже охватил различие в положении и судьбе встречавшихся на его пути людей: богатым все можно, им. все блага жизни, а беднякам — только нужда, только обиды и унижения. Все симпатии, все сочувствие Сергея на стороне этих последних.

Особенное внимание Сергея и его сочувствие вызывали жившие в Уржуме политические ссыльные — студенты и рабочие. Уржумские обыватели сторонились ссыльных, называли их «крамольниками», говорили о них всегда с некоторым страхом, с оглядкой.

Уже одна эта таинственность возбуждала в Сергееве чрезвычайный интерес, к тому же еще политические ссыльные и приезжавшие в Уржум на летние каникулы студенты пели в роще за городом такие замечательные, бодрые, совсем особенные песни.

Сергей умел и любил петь, а песни «политических» так хорошо запоминались, хотя слова были порой непонятны для ребят.

В 1901 году, пятнадцати лет, Сергей оканчивает городское училище, и его как одного из лучших учеников уржумское благотворительное общество отправляет учиться в Казань в низшее механико-техническое училище.

Председатель уржумского благотворительного общества вручил Сергею для передачи в училище обязательство «одевать Сергея Кострикова по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату за правоучение», а также предоставить ему «необходимые для учебных занятий удобства». Однако на деле вся помощь Сергею ограничилась назначением стипендии по пяти рублей в месяц. Правда, один из уржумских «благодетелей» дал еще Сергею рекомендательное письмо

к своей родственнице, жившей в Казани, и та приютила Сергея, устроив его в темном коридоре на сундуке. Здесь долгое время и жил Сергей: спал скорчившись на коротком сундуке, занимался и чертил по ночам на кухне, когда кухарка кончала уборку посуды.

Среди учащихся казанского технического училища было не мало бедняков. Но и среди этой бедноты Киров был одним из наиболее нуждающихся.

Преподаватели технического училища вспоминают, что Сергей Костриков форменным образом голодал, не имея возможности заплатить даже за самый дешевый обед.

Три года учебы Сергея в Казани — это три года тяжелых лишений. На прошении о выдаче пособия рука чиновника написала ответ: «Выдавать по 5 рублей три месяца». Однажды Сергей был временно исключен из училища, потому что не мог внести плату за ученье.

Но тяжелая нужда не надломила Сергея. И в казанском училище он все три года один из первых в учебе и из класса в класс переходит с наградами. Он с увлечением подолгу работает в мастерских училища, с таким же увлечением работает на практике.

По воспоминаниям его товарищей и учителей можно проследить, как в эти годы складывался характер Кирова. В нем уже тогда проявляются твердость, упорство, независимость и в то же время какая-то особая теплота к товарищам, к близким по нужде и лишениям людям, замечательное благородство — черты, отличавшие Кирова во все периоды его жизни, его борьбы.

Вот случай, достаточно характеризующий отношение Сергея Кострикова к своим близким товарищам.

Сергей, долго, напряженно работая, вместе с одним из знакомых студентов сконструировал и смастерили маленький мотор. Работа удалась, ею восхищались все его друзья. Но вот один из товарищей попадает в беду; он не может больше ходить на занятия: окончательно износились штаны. Киров, «с задумываясь, продаёт на рынке мотор, над которым так много работал. На эти деньги покупаются там же, на базаре, новые штаны.

Инспектору училища, грубияну и самодуру, Сергей открыто, при всех советует изменить свое отношение к учени-

кам. Твердость и достоинство Кострикова озадачивают даже старого царского служаку, и он больше не рискует издеваться над учениками. За этим поступком Сергея скрывается большее, чем обычная юношеская смелость, — в эти годы начинает складываться его политическое сознание.

1901—1904 годы, годы учения Кирова в казанском механико-техническом училище, — это период нарастающего подъема революционного движения во всей стране.

В крупных промышленных центрах проходили массовые стачки рабочих, принимавшие иногда всеобщий характер, все чаще отмечались волнения крестьян, особенно на Украине и в Поволжье, усиливались революционные настроения в широких слоях передовой интеллигенции, особенно среди студенчества. В Казани, которая была довольно крупным университетским центром, общий революционный подъем, охвативший страну, особенно сильно сказывался в быстром росте нелегальных революционных студенческих организаций.

Ученики казанского технического училища, близко соприкасавшиеся со студенчеством, также не оставались в стороне от быстро нараставшего революционного движения.

Началось со сравнительно невинных протестов против преподавания ненавистного для учащихся предмета — закона божьего. Позднее разыгралось крупное столкновение учащихся механико-технического училища со своим начальством, закончившееся сходкой и уличной демонстрацией.

Костриков, не испросив установленного разрешения у училищного начальства, отправился с несколькими товарищами на организованный студентами спектакль и был там обнаружен инспектором технического училища в тот момент, когда перед театром студенты готовились устроить демонстрацию.

На другой день Кострикова с товарищами посадили в карцер, а затем хотели выгнать из училища.

Все училище поднялось на ноги, в раздевальной собрались все учащиеся и потребовали к себе для объяснений начальство, а так как начальство струсило и не явилось, то ученики с пением студенческих песен вышли на улицу и перед квартирой директора спели ему «вечную память».

Губернатор секретным донесением сообщал, что 19 ноября «ученики промышленного училища, выйдя из училища в 5 час. вечера после занятий толпой, с пением студенческих песен про-

шли всю Грузинскую улицу до Державинского сада, откуда по требованию полиции разошлись по домам».

Начальство было напугано революционным выступлением учащихся, и Кострикова оставили в училище.

В Казани был большой завод Крестовникова, поставлявший на всю Россию мыло и свечи. Крестовников был злейшим эксплоататором. Его завод был катогор для рабочих. На этот завод ученики механико-технического училища направлялись на практику. Сергей наблюдал, как живут рабочие крестовниковского завода, и вот что он пишет в Уржум своей крестной, поздравляя ее с наступающим праздником пасхи:

«Да, наступает праздник... но не для всех: например, здесь есть завод Крестовникова (знаете, есть свечи Крестовникова). Здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников, а спросите вы их: зачем вы и в праздники работаете? Они вам ответят: если мы не поработаем хотя один день, то у нас стеарин и сало застынут, и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей 50, и 70, и 100. Но, скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться 100 рублей? — ведь, ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь — зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде, почему это, как вы думаете?»

В том же письме Сергей рассказывает, какое сильное впечатление произвела на него новая пьеса, написанная одним казанским гимназистом.

«В настоящее время, — заканчивает Сергей, — этот гимназист уже по всей вероятности выставлен из училища. Ведь, вам известно, наверное, что у нас в России в училищах велят делать только то, что нужно начальству, и так же думать. Если же ученик начал развиваться, как следует, и начал думать лишнее, то его обыкновенно гонят и выгнать им ничего ровно не стоит. Ну, разве это не скотство?»

Приезжая на каникулы в Уржум, Сергей близко сходится с политическими ссыльными. Еще мальчиком он учился у них революционным песням. А теперь Сергей целые часы проводит в разговорах с ссыльными, берет у них революционную литературу. Свои первые технические навыки он использует для

того, чтобы смастерить гектограф. На нем он вместе с одним из товарищей тайком печатает революционные листовки и разбрасывает их на базарной площади, куда съезжаются крестьяне окрестных деревень.

В Казани Сергей устанавливает связь с подпольными студенческими и рабочими кружками. Он читает нелегальную революционную литературу, жадно вслушивается в ведущиеся на кружках споры.

С изучением революционной теории Сергей соединяет и здесь революционную практику: он организует похищение из того самого технического училища, в котором учился, ручного печатного станка и передает его в подпольную организацию для печатания революционных листовок.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1905—1907 гг.

В 1904 году Киров оканчивает казанское техническое училище и в самый канун революции 1905 года уезжает в Сибирь, в Томск. Он — уже революционно настроенный юноша, полный твердой решимости отдать свои силы на борьбу с царящим насилием. В Томске Киров устраивается чертежником в Городской управе и поступает на вечерние общеобразовательные курсы, чтобы подготовиться в Технологический институт.

Но в Технологический институт Сергею Мироновичу попасть не удалось: революционная волна вздымается все выше. Преступно затеянная в 1904 году правительством Николая Романова война с Японией вскрыла перед самыми широкими масштабами народа гнилость царизма.

«Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение и остановить революцию. Но его расчеты не оправдались. Война еще более расшатала царизм.

Плохо вооруженная и обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, русская армия стала терпеть одно поражение за другим»¹.

Взятие японцами крепости Порт-Артур, разгром царской

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 53.

армии под Мукденом, гибель в Цусимском проливе царского флота, посланного из Балтийского моря на помощь осажденному Порт-Артуру, — все это означало, что война окончательно проиграна царской Россией. Царское правительство оказалось вынужденным заключить позорный мир с Японией. На рабочих, на крестьян было возложена вся тяжесть лишений и жертв. Гнев и возмущение трудящихся города и деревни прорывались в форме все более и более грозных революционных выступлений. Революционная литература стала находить невиданный, спрос и живейший отклик в массах. Нелегальные революционные кружки создавались повсюду: на заводах, на фабриках, в мастерских, в учебных заведениях, наконец, в армии и флоте.

На общеобразовательных курсах в Томске Киров завел дружбу с рабочими-печатниками. Особенно близко он сошелся с братьями Кононовыми, при их содействии вступил в революционный кружок и в конце 1904 года стал членом большевистской группы Томской социал-демократической организации, в то время объединенной.

Вот как один из членов подпольного кружка описывает в этот период Кирова: невысокого роста, плотный, с только пробивающимися усиками, с откинутыми назад волосами, в по-трепанной тужурке, в черной или синей косоворотке. Взгляд из-под немного нахмуренных бровей пытливый и внимательный.

Скромный, даже несколько застенчивый, Сергей Миронович своей вдумчивостью, решимостью и глубокой преданностью делу революции быстро завоевывает глубокое уважение всех, кому приходится с ним близко соприкасаться.

В подпольном кружке социал-демократов Киров впервые читает брошюру Ленина «Что делать?». Люди, знавшие Кирова в те годы, вспоминают, что брошюра произвела на него сильнейшее впечатление.

В конце 1904 года Киров входит в состав «подкомитета» социал-демократической организации. Сергей Миронович энергично берется за революционную работу, печатает на гектографе и mimeографе листовки, ведет агитацию среди рабочих, горячо отстаивая ленинские позиции.

Начинается бурный 1905 год. Кровавое воскресенье 9 января грозным эхом прокатывается по всей стране. Готовится выступление и в Томске.